

Наталья Виноградова

Самое
лучшее –
впереди!

Наталья Евгеньевна Виноградова

Самое лучшее – впереди!

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12108420

Самое лучшее – впереди! / Наталья Виноградова: Грифон; Москва; 2016

ISBN 978-5-98862-183-6

Аннотация

Во втором издании этой необычной книги сразу привлекает внимание мелодичность и своеобразие фраз, чувство ритма – и настоящая музыкальность, которую можно уловить, слушая (или читая) страницу за страницей. И в этом – несомненная удача автора.

В мире воспоминаний, однако, таится загадка: подлинные дневники тесно переплетаются с авторской фантазией, которая основана на абсолютно достоверных фактах...

Объединяет эти разноплановые разделы основная, главная тема. Как натянутая струна, она звучит пронзительно и нежно в каждой строке. Это – музыка любви. Удивительная мелодия завораживает: такая искренняя, лиричная и душевная, она исходит из любящего женского сердца, из тех его глубин и тайников, которые доступны только настоящему писателю.

Для ценителей хорошей литературы.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	53
Глава третья	71
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Наталья Виноградова

Самое лучшее – впереди!

*Посвящаю эту историю своим любимым
девчонкам и внукам*

*Есть какое-то очарование в рождении первых
слов книги.*

Никогда не знаешь, куда они тебя заведут.
Б. Поттер

Глава первая

Приятного путешествия в мир любви и согласия

*Время тихой любви – это больше забота...
По глазам уловить, с полуслова понять.
Ведь любовь, как ни странно, – большая работа,
Если ей дорожишь и не хочешь терять...*

Вышли из аллеи и, чуть спустившись, знакомой тропинкой обогнули дом. Пять широких ступенек, и ты у двери. Раскачивается на ветру фонарь, разбрасывая ажурные тени по крыльцу. Оглянулись. Дом черной плотной стеной

окружили деревья. Льющийся из окон свет слегка серебрит белую снежную скатерть, что расстелила зима между домом и садом. А там, чуть дальше, луна таинственно погружает мир в сказку. Тихо.

Мы очень любим такие прогулки по вечерам. Как хорошо, когда с мороза горят щеки, а переступив порог, оказываешься в царстве тепла и уюта. Пора отдыхать. В спальне свежие, пахнущие морозом простыни и распахнуто настежь окно. Прикрыв его, наспех принимаю душ – и в прохладную постель. Тело расслаблено, глаза прикрыты, погружаюсь в сон.

– Ты спишь? Я прилягу рядом...

Запах шампуня окутывает меня. Крепкое, родное тело. Счастье заполняет до краев, а в душе покой. Сон убаюкивает...

* * *

Просыпаюсь. Холодное зимнее солнце уже наполнило комнату светом. Пора вставать. Накинув кофточку, спускаюсь в спортзал. Спортзал – это довольно просторная комната, где уютно разместились тренажеры. Посреди комнаты, как бы заявляя о себе, красуется велосипед, чуть в стороне, не уступая ему по значимости, расположилась беговая дорожка, а в углу скромно притулился домотканый плотный ковер. На стене, куда смотрят велосипед и дорожка,

висит плазменный телевизор. Включаю его. На экране лесная тропинка под птичий щебет бежит вперед. Кручу педали, представляя себя в лесу на прогулке... Наступила очередь гимнастики. Тело плохо слушается, но я стараюсь.

Впереди день заполнен до отказа – испанский, стоматолог, надо решить вопрос с билетами в театр (решили в очередной раз сходить с учениками на балет).

Помню наш первый пробный выход с небольшой группой детишек в театр. Как все немолодые, но импозантные мужчины, мой супруг был обожжаем своими ученицами. Часто вечерами мы касались этой темы, обсуждая, беззлобно посмеивались. Понимая, что ему это льстит, делала вид, что беспокоюсь.

Чтобы не смущать группу, я приехала прямо перед последним звонком и прошла на свое место, когда свет в зале уже почти погас. Наблюдая со стороны, отмечаю – как же мой суженый статен, красив своей неброской мужской красотой. Широкий разворот плеч, крепкая шея уверенно держит большую голову, обрамленную слегка седеющей шевелюрой. Вот, видимо волнуясь, поднимает руку и своими длинными красивыми пальцами едва касается волос. Хорошо еще, что по привычке не запустил всю пятерню туда. Молча сажусь рядом и ощущаю, как его рука прикасается к моей и сжимает ее. Я тоже тебя люблю...

Музыка вкрадчиво заполняет собой уютный зал и наши души. Нежный голос скрипок повествует о грустной исто-

риш любви. Захваченные сказкой, сопереживая героям, мы все неотрывно следим за тем, что происходит на сцене. А там – отчаяние и надежда противостоят коварству. Зло, не подозревая, какой бесславный конец его ожидает, торжествует. Оркестр вторит торжеству. Трубы, флейты, тромбоны поют ему гимн. Действо захватывает. Хочется остановить время. Вмешаться и все исправить.

На лицах ребятишек смятение. Глаза распахнуты, пальчики побелели от напряжения.

Неожиданно для нас герои сказки застывают в последнем па. Опускается занавес, заслонив собой сцену. Антракт. Зал заполняется негромким гулом голосов. Ребята, во главе с моим мужем, тихой стайкой отправляются в буфет. Я остаюсь на месте. Жду.

Прошло, как мне показалось, довольно много времени, а их все нет. Успеют ли? Начинаю волноваться. Наконец возвращаются. Лица у детворы светятся радостью – видимо, угостил на славу. Девчонки наперебой пытаются привлечь к себе его внимание.

И вновь поднимается занавес. Сказка оживает. Мы, захваченные повествованием, не замечаем, как летит время. Наконец зло повержено. Теперь торжествует добро. Трубы, флейты, тромбоны поют гимн счастью и любви. Представление подходит к концу.

А впереди нас ждет продолжение: надо ребятишек развести по домам – так всем спокойнее. И какое же удивление

на лицах (почти сюрприз), когда выясняется, что дама, сидящая рядом, оказывается женой всеми любимого преподавателя. Мальчишки смущенно представляются, у девочек гаснут глазки. Я улыбаюсь.

Делимся на группы. Часть детворы садится ко мне в машину, вторая половина забирается в машину мужа. Маришут обсудили еще дома. Тронулись. В салоне моего автомобиля гвалт. Ребятишки не могут успокоиться, возбуждены, щебечут, делятся впечатлениями, размахивая руками. Ничего не придумав лучше, включаю тихо музыку. Шум затихает. Уже час, как мы в пути, а у меня еще двое. Звонок – ты где? – объясняю. Договорились встретиться на пути к дому в кафе. Подъезжаю и вижу, сквозь огромные окна, полупустой, залитый светом зал. Без спешки официанты принимают заказы у запоздалых посетителей. Мой супруг сидит за столиком у окна, потягивая коктейль, листает журнал. Посигналила. Не предлагает присоединиться – спешит к машине. Домой!!! Там ужин, там долгожданная постель, а завтра выходной! День прожит не зря.

* * *

– Что-то вспомнились твои удивленные и счастливые глаза, когда ты в первый раз увидела фонари в аллее. – Пришел пожелать мне спокойной ночи, присел на кровать, смотрит улыбаясь.

Наступил очередной мой День рождения. Понимаю, будет, как всегда, что-то необычное... но что? Замечаю: Надежда, наша домработница, изо всех сил старается изобразить бесстрастие на лице, но ей это плохо удается. Чрезмерно суетится. Интересно, что меня ждет? В преддверии праздника как будто ничего из ряда вон не происходит. К повседневным заботам прибавились хлопоты по организации праздничного вечера.

Мы любим наши праздники проводить дома в кругу друзей. По четвергам у нас часто проходят музыкальные вечера. Собираются друзья, иногда приходят знакомые друзья, преподаватели, ученики. Если народу много, собираем стулья по всему дому. Все рассаживаются. Надежда с мужем разносят шампанское и шоколад. Рояль в это время – центр вселенной. В основном играет супруг. Играет страстно, увлеченно, самозабвенно. Все слушают зажав дыхание. В такие часы в гостиной царит только музыка.

Возвращаясь из школы, все последние вечера перед торжеством муж не отходит от инструмента. Вечерние прогулки по нашей любимой аллее забыты в эти дни. Не обижаюсь. Сознаю: для меня старается. Но четко ощущаю: напряжение день ото дня нарастает. И как будто замечаю – за мной присматривают исподтишка все, включая Владимира, мужа Надежды и по совместительству нашего водителя, особенно когда я подхожу к окну в гостиной. Окно –

сказано скромно. Скорее это стена из стекла. Она тянется от одной стороны до другой, от пола до потолка, наполняя комнату светом и являясь продолжением вида за окном. А там, за стеклом: березы, клены, дубы почти вплотную подступили к дому; и наша любимая аллея, убегающая за горизонт. Никогда еще мы не изменяли ей. Не считая последних предпраздничных дней. Шторы плотно закрыты.

Привычно устраиваюсь в уютное кресло с книгой, под музыку образы ярче, самобытнее, почти живые. На душе покой.

И вот пришел долгожданный День рождения. С утра обо мне как будто все забыли, странно. Короткое «Поздравляю», поцелуй в щечку – и это все? Я в недоумении.

На дворе еще темно, но день обещает быть великолепным. Занимается заря. Темнота отступает. Ощущается легкий морозец. Снег искрится и хрустит под ногами. Спешу на занятия, потом массажист, салон. Готовлюсь к празднику. Волнуюсь.

Вечер. Прибывают первые гости. Смех, разговоры, поздравления, подарки. Только родные загадочно молчат. Столы накрыты старанием Надежды и ее супруга (разве я справилась бы без них?). Все садятся за стол. Звучат тосты. Смеются лица. Искрится шампанское. Переходим к роялю. Мой милый садится к инструменту. Одна из преподавателей его школы встает рядом. В руках у нее

листки. Похоже, она собирается читать под аккомпанемент. Ну что ж, интересно. Я люблю такие вечера. Стулья расставлены полукругом, очерчивая сцену. Было объявлено, что данный рассказ посвящается мне, как виновнику торжества. Начинается концерт. Слышая моноспектакль, заливаюсь краской. Звучат строки моего Дневника...

У нас есть договоренность, что у каждого из нас должна быть маленькая тайна. Такая своеобразная изюминка. Свой крохотный мир, без других. И этот мир имеет название – Дневник.

Я растеряна. Не знаю, как реагировать. А суженный, слегка наклонив свою очаровательную голову, вполоборота наблюдает за мной и улыбается. Спектакль одного актера продолжается. Музыка подобрана хорошо. Персонажи из Дневника живут своей, только им дарованной жизнью.

Выступление имело ошеломляющий успех. Долго аплодировали. Пытались уточнить, кто написал эти строки. Но это так и осталось для всех загадкой.

Пришла пора прощаться. Машины одна за другой покидают площадку перед домом. Наконец захлопнулась дверь за последним гостем.

– А теперь наш подарок. – Подает мне шубу, приглашая на прогулку. Выходим. Привычным путем направляемся в нашу аллею. На дворе уже темно. Любимая аллея погружена в сон. Надежда с супругом наблюдают за нами из окна. Все как всегда. И вдруг, едва мы вступили под сень деревьев, –

как в сказке! – снег заиграл всеми цветами радуги, дорожка озарилась, и множество очаровательных в старинном стиле фонарей четкой светящей линией побежали вдаль.

Позже я узнала, как выбирали время для установки их. Как рабочие, чтобы сохранить свою работу в тайне, ждали на кухне, когда я покину дом. Как тщательно зашторивались окна, чтобы скрыть следы их труда. И сколько частных уроков пропустил мой супруг, приезжая пораньше и сядя к инструменту, чтобы усадить меня в мое любимое кресло. А возникла идея подарка после того, как я поделилась воспоминаниями из детства – очаровательной картинкой – медленно кружатся огромные снежинки в освещенном фонарем круге.

Воспоминания захлестнули. Сон позабыт. Вспомнились зимние каникулы.

Канун Нового года. За неделю до праздника позвонили дети и сообщили, что едут внуки. Радости не было предела... Начались приготовления. Надумала я построить снежную горку. Надумала и принялась собирать для горки снег. На помощь мне пришли мои помощники по дому, Надежда с Владимиром. Приспособили для этого старую детскую ванну. Приладили ей полозья. Снег собирали в лесу. Грузили на самодельные сани и свозили во двор. Да и небесам наша выдумка оказалась по душе – снег шел не переставая с утра

до вечера. Собрали у стены снег в огромную снежную кучу, утрамбовали и залили водой. Вечером мороз усилился. Горка замерзла, обледенела. Утром следующего дня отправились за провизией. Пора было подумать и о подарках. Старшему внуку купили ноутбук, среднему – камеру, остальным ребятам стационарно управляемые машинки разных моделей. Старшей внучке – мобильный телефон. Мальшке – большую куклу в воздушном платье. Набрали красивой упаковочной бумаги, мишуры. Упаковывали подарки всей семьей. Теперь встала задача – куда спрятать. Внуки, как только появляются, начинают осваиваться. Ни один уголок в доме не остается без внимания. Решили до поры до времени сложить все в комнате прислуги. Владимир привез огромную, пушистую красавицу елку. Дом до краев заполнил аромат хвои. Дали ей немного отойти с мороза, установили в гостиной и стали наряжать.

Дом украшали все вместе. Мужчины окутали дом, крыльцо и близкие к дому деревья световой гирляндой. На дверь повесили венок из хвойных веток, скрепили его мишурой, а в центре разместили колокольчики. Получился сказочный сверкающий дворец. Мы с Надеждой украшали гостиную. Над окном разместили мишуру, обмотанную гирляндой. Такой же мишурой пронизали перила лестницы. Прочистили камин и придвинули два огромных кресла, расстелили перед ним коврик, а на камин сложили детские книжки, поставили три толстых свечи, украсили камин еловыми ве-

точками и вpleли в них новогодние игрушки. Осталось подготовить к приезду детей их спальни. Обе комнаты хорошо проветрили. Купили семь огромных, мягких дедов-морозов с карманами на животе и каждый карман наполнили сладостями. Повесили их у кроваток. Пижамки детские, что дети оставили летом, перестирали и сложили в шкаф. Осталось только дожждаться.

И вот наступил долгожданный день. В дом ворвался смех, шум, детский тайфун. Елка всех очаровала. Обедали в столовой. После обеда детей было не собрать. Юные следопыты, как и положено, отправились исследовать тайны дома. К вечеру, когда любопытство было удовлетворено, а усталость взяла свое, ребятишки уgomонились, притихли. Все, поужинав, собрались у камина слушать сказку. Мирно потрескивали поленья, языки пламени, переливаясь, освещали близлежащее пространство, оба кресла, ковер и мальшей, что, замерев, сопереживали сказочным персонажам. А над окном и вдоль лестницы бежали, зарывшись в мишуру, друг за другом разноцветные огоньки гирлянды. И елка-красавица сверкала своими нарядами. Тихо-тихо рождалась в рояле музыка, оживали герои, и разноцветные всполохи блуждали по стенам. Но вот сказка подошла к концу. Добро победило зло. Поленья в камине почти догорели, и музыка ушла на покой. Тихо крышкой щелкнул рояль. Ребята поднялись в спальни. В их головках сказка еще жила. Герои сражались за любовь, защищая своих дам – дамы с тревогой в сердце

ждали своих героев.

** * **

Следующий день, как по заказу, выдался на славу. Небо поражало своей прозрачной глубиной. Холодное зимнее солнце, играя бликами, расцвечивало снег разноцветными всполохами. Горка у дома, слегка припорошенная снегом, искрилась, приглашала покататься.

Позавтракав, все дружно расселись по машинам и отправились покупать зимние комбинезоны и ботинки, чтобы было в чем резвиться на улице. В предвкушении предстоящего шопинга настроение у всех приподнято. Звучат шутки и смех.

Огромный супермаркет встретил нас сутолокой и суетой. Кого только не увидишь в этом людском потоке. Тут и молодые семейные пары с отчаянно ревущими ребятишками, и занятые друг другом влюбленные, взявшись за руки неспешно посещающие небольшие бутики, или одинокие, бесцельно толпящиеся у прилавков и с любопытством рассматривающие их содержимое либо спешащие приобрести необходимый товар посетители с озабоченными лицами, рассеянным взглядом окидывающие на ходу витрины магазинчиков, попадающих на их пути. И только манекены, замерев в определенной позе, бесстрастно взирали на происходящее. В магазине спорттоваров не протолкнуться. За-

нятые поисками нужной вещи, мы долго путешествуем по переполненному залу.

Но вот все в обновках, а в прихожей грудой сложены, новенькие лыжи. На кухне хлопочет Надежда. По всему дому растекаются аппетитные запахи, заглушая хвойный. Стол уже накрыт. Ребята наспех поглощают обед – и на улицу. Горка дождалась! Щебет и смех малышей будоражат окрестность.

К вечеру возвращаются, шмыгая носами, в тепло дома. Глаза горят, щеки багровеют, замерзшие пальчики, несмотря на теплые варежки, едва шевелятся... Все вещи в сушилку. Переодевшись, спускаются в столовую. А в гостиной их ждет предновогодний вечер, елка, музыка, сказка. И опять оживают в воображении образы. И опять герои сражаются за любовь и защищают своих дам, а дамы с тревогой в сердце ждут своих героев.

* * *

В преддверии новогодней ночи обычная суета. Мы готовимся к приезду гостей. В духовом шкафу румянится индейка, под ножом Надежды обычные овощи превращаются в необыкновенные салаты. Дети активно помогают: расставляют приборы на столе, стулья в гостиной, готовят с Владимиром коктейли, упаковывают маленькие подарки для приглашенных. Последние штрихи – и дом готов к встрече.

че.

В шестом часу солнце покинуло грешную землю. В сгущающихся сумерках огнями озарился наш дворец, близко растущие деревья, олени из прозрачного пластика, две маленькие пушистые елочки перед домом, наша аллея. Все высыпали на улицу – посмотреть. Зрелище настолько потрясающее, что даже мороз не пугал. Мы оказались в стране света. Ночь отступила. Взрослые едва сдерживали волнение, а что говорить о малышах – те, не в силах справиться с обуревающими их чувствами, бегали по двору, подпрыгивая и нелепо размахивая руками, или кружились, протянув ручки к залитому мигающими звездами небу, и со стороны были очень похожи на маленьких шаманов, исполнявших свой таинственный ритуальный танец.

Время пролетело незаметно. Стали подъезжать первые гости. Их чинно встречали мальчики в строгих костюмчиках и белых рубашках и девочки в своих воздушных платьицах – принимали одежду и провожали в гостиную. В доме становилось все оживленнее. Приглашенных было немного – близкие друзья с детьми и выпускники частной школы моего супруга. Наконец наступило время застолья. По-доброму проводили год уходящий. Он остался в памяти светлой чередой радостных событий и моментами тревог (куда же без них?). В десять начался детский праздник. Ребятишки, немного смущаясь, читали стихи, пели песенки под аккомпанемент фортепиано, разгадывали незамысловатые

загадки и устраивали розыгрыши. Взрослые с большим удовольствием принимали участие в детских забавах. Особенно пылко забавлялись с детьми выпускники, сами еще недавно жители страны, которая зовется Детство. Праздник в самом разгаре. Волнение, веселый шум, смеющиеся лица царствуют в гостиной. И вдруг вбегает Надежда с возгласом: «В столовую, все в столовую, посмотрите во двор... скорее, скорее...» Все кинулись к окну. А там, за окном, как в сказке, в залитое светом пространство влетела тройка белоснежных рысаков. Кони то и дело вскидывают свои красивые головы и нетерпеливо бьют копытами. Будто приглашают с собой в сказку. На них сотканные из серебряной парчи с золотым узором попоны. Под высокой дугой заливаются серебряным звоном бубенчики. За тройкой следуют высокие расписные сани. Передняя часть саней слегка приподнята и закручена спиралью. Внутри сани выстланы красным бархатом. На красных бархатных подушках восседают Дед Мороз и Снегурочка. На Снегурочке из голубого атласа с белой опушкой шуба, подбитая кроличьим мехом. На голове маленькая голубая с опушкой шапочка. На Дед Морозе из красного атласа с кроличьей опушкой шуба в пол. На голове красный колпак заканчивается белым большим пушистым помпоном.

Все высыпали на крыльцо.

Неспешино вышел из саней Дед Мороз. Помог Снегурочке. Взял на плечи увесистый мешок с подарками. Взял в руки

посох и чинно пошагал к крыльцу. Толпа встречающих молча расступилась, пропуская сказочное чудо вперед, а потом так же молча последовала за ним в дом. Но стоило только посоху перед елкой ударить в пол, праздник вспыхнул с новой силой. И в этой суматохе никто не заметил, когда Надежда с Владимиром успели сложить Деду Морозу приготовленные для приглашенных подарки в мешок. За столом под искрящийся звон бокалов встретили Новый год. Ребятишки повторили свою праздничную программу перед сказочным гостем. И каждый заслуженно получил свой подарок. Довольный всем происходящим, Дед Мороз неожиданно пригласил ребятишек прокатиться в санях. Отказа не последовало. Все дружно, прямо в праздничных одеждах, забравшись в комбинезоны, заполнили сани. Застоявшиеся кони рванули с места, и тройка, под яркий перезвон бубенцов, умчалась по выстланной снегом зимней дороге. Прошло чуть больше часа, и вновь двор заполнился детским смехом и басистой россыпью шуток Деда Мороза. Но пора было прощаться. Чинно воссел Властитель зимы на свои подушки. Рядом, зарумянившись, пристроилась Снегурочка, и долго еще в морозном чистом воздухе, затухая постепенно, переливались серебряным звоном колокольчики.

Оставшиеся вернулись в дом. Ребята с нетерпением, прижимая к груди свои подарки, поднялись в приготовленные для них спальни. А для взрослых праздник только набирал силу. В гостиной погасили большой свет. Ночники, бегущие

друг за другом разноцветные огоньки гирлянд да рвущееся пламя свечей на рояле придавали музыке таинственность и силу. А исполненная без музыкального сопровождения группой выпускников кантата была восхитительна. Неожиданно для меня, мне предложили прочитать под аккомпанемент фортепиано страничку из дневника, прозвучавшую на празднике, посвященном Дню моего рождения. Отнекиваться было нелепо. Дрожащим от волнения и неожиданности голосом начинаю, напряженно взглядываясь в напечатанное, читать. Но вот волнение оставило меня. Голос приобрел уверенность. И, увлекшись, я уже забыла о бумажке. Фантазия уносит меня все дальше и дальше. Одна картина сменяет другую. А музыка следует рядом... Когда закончила, слышу тихий шепот: «Я думал, этой сказке не будет конца...» Улыбаюсь, что тут поделаешь.

Пришло время танцев...

Шампанское, живые звуки рояля, полумрак гостиной и бегущие в свое небытие разноцветные огоньки гирлянд окутывают каждую пару тайной, будоражат чувства, рождают запретные фантазии. Создают иллюзию одиночества. Не важно: вальс ли это, танго или фокстрот... И в этом зачарованном омуте вспыхивает молодое единение душ и желаний. Первозданность бытия... Тела все ближе. Объятия все теснее. Окружающий мир забыт. Новогодняя ночь дарит каждому свое очарование...

Но все хорошее когда-нибудь кончается. И для нас пришло

время прощального чаепития. Надежда вносит огромный торт с шапкой взбитых сливок, присыпанных шоколадом. На столе уютно фырчит, закипая, самовар. Люди все еще возбуждены. Женщины скромно опускают ресницы, прикрывая смущенный взгляд, щеки их пламенеют. Мужчины, чтобы скрыть возбуждение, непомерно чопорны. Последние пожелания, последние тосты...

Восемь. Пора разъезжаться. Взрослые наспех натягивают одежду на сонных ребятнишек. Устраивают их поудобнее в машинах. И вот гостевой кортеж направляется к городу, навстречу наступающему первому дню нового года.

А мы, опустошенные, но счастливые, не в силах справиться с навалившейся усталостью, медленно бредем к своим спальням. Я падаю в кровать и проваливаюсь в сон. Возвращаюсь к жизни, когда за окном день в самом разгаре. Потягиваюсь... И тут что-то настораживает. Что? Прислушиваюсь, в доме непривычная тишина. Набрасываю на плечи халат и иду к малышам. Спальни пусты. Кроватки аккуратно убраны. Подарки сложены в карманы дедов-морозов. Пижамки выглядывают из-под подушек. Ноутбук, что мы подарили старшему внуку, лежит на столе. Где все? Что я пропустила? В душу закрадывается страх. Спускаюсь в гостиную. Там, как и в столовой и на кухне, царит вчерашний беспорядок. Выглядываю в окно – горка пустя. На дворе не слышно детских голосов. Поднимаюсь в спальню к мужу. Тот, раскинувшись на кровати, спокойно

спит, забывшись глубоким сном – устал вчера очень. Тормошу – пытаюсь добудиться. «Дети, пропали дети, их нигде нет...» Слышу бормотание сквозь сон: «Посмотри лыжи». Бегу вниз в прихожую и натываюсь на Надежду.

– Что с вами? На вас лица нет!

– Дети пропали!

– Не волнуйтесь, они на лыжной прогулке с Владимиром.

– Давно? А малыши? Ему еще и пяти нет...

– Тоже с ними.

Слышу за спиной: «Нашлись? А ты волновалась...» Оглядываюсь. Почти проснулся, стоит на верхней ступеньке лестницы, пытаюсь попасть в рукав халата, на голове художественный беспорядок.

– Идите в столовую – завтрак остынет. – Обыденный, слегка грубоватый голос Надежды успокаивает.

Послушно шагаем в столовую. На столе, источая аппетитный аромат, нас ждет яичница с беконом и какао – о-бо-жа-ю какао по утрам!

Покушав, спокойно собираемся – решено по следу лыжни найти наших путешественников. Выходим на крыльцо.

День выдался на славу! По голубому небу плывут пушистые белые облака. Яркое солнце создает веселое настроение, обещая прекрасную прогулку. Снег у крыльца притоптан. А чуть дальше тянется в лес четко выписанная на пушистом снегу лыжня. Надеваем лыжи, варежки, берем в руки лыжные палки и трогаемся в путь. Хочется поскорей

взглянуть на ребят. Боже! Я так давно не стояла на лыжах! Пытаюсь справиться с ситуацией.

— Ты такая сейчас смешная.

Ну да, я представляю... Он далеко впереди, терпеливо поджидает, опершись на палки, и, чуть наклонив голову в ушанке, вполоборота смотрит на мои старания. Я действительно очень стараюсь, и у меня, кажется, получается справиться со своей неловкостью и поймать ритм движения. Лыжи заскользили спокойнее и легче. Какой же он все-таки замечательный во всем! Что бы он ни делал, все дается ему легко и непринужденно, а самое ценное качество — на все нелепости близких смотреть с улыбкой, не раздражаясь. И как ему это удастся? Минут через десять моих мук выезжаем на просторную поляну, окруженную плотным кольцом леса. Воздух взрывается от звонких детских голосов. Нашлась пропажа! В самом центре поляны одинокая фигура серьезно настроенного Владимира, а вокруг снег вздыбился от множества детских стараний. Слышен властный голос: «Не налегай всей мощью на ногу! Дай лыже двигаться свободно! Не топи ее в снегу! Где рука? Не забывай про руки. Молодец! Скоро поедешь с дедушкой на альпийский курорт покорять горы...» (имея в виду моего мужа). «А я? А я? А я?» — доносится со всех сторон. «Все молодцы, еще немного — и мы обставим всех и покорим Альпы!» — обещает чересчур серьезно Владимир.

Все давно привыкли к его показной суровости. За угрюмо-

стью скрывалась поистине добрая, нежная, отзывчивая душа. Впервые столкнувшись с ним, все начинают сочувствовать Надежде. А та, скорее из чисто женского эгоизма, посмеиваясь, скрывает истину (по принципу: мое – это исключительно мое). И только ребяташиек, с их прозорливостью и почти звериной чуткостью, невозможно было обмануть. С первого дня пребывания в нашем доме они искренне привязались к дяде Володе. А он, не имея своих детей, так же искренне отвечал им взаимностью.

– Не спеши! Помоги ему подняться и покажи, как надо передвигать палки. – Это он старшему. Тот впопыхах чуть не наехал на малыша, неожиданно плюхнувшегося в снег.

Я не выдерживаю и выхожу из укрытия.

– Привет, ребята, как вы тут? Справляетесь с лыжами? (Для многих лыжи – новинка.)

– Да, да, да, – разносится со всех сторон.

– Да! – кричит малыш и в очередной раз плюхается в снег. Весь в снегу, со стороны похожий на снеговика, но довольный происходящим, опять кряхтя, безуспешно пытается встать на ноги. Выходит на поляну муж. Все радостно окружают его, на минутку забыв о Владимире. А Владимир, улыбаясь, покидает свой пост главнокомандующего и незримо безоговорочно передает бразды правления. Мой супруг, надо отдать ему должное, охотно включается в игру. И теперь в руководящем составе прибыло. Теперь они вдвоем командуют маленькой армией неумелых снегоходов.

Я с большой охотой вступаю в ряды неумех, втайне надеюсь, что и мне удастся покорить Альпы и всех заткнуть за пояс на горных трассах... Так минута за минутой, час за часом осваиваем дружно искусство лыжников. А дома хлопочет Надежда.

Возвращаемся все в снегу, разгоряченные, счастливые и голодные. Ароматы кухни еще с порога кружат нам головы, зазывно торопят, но, соблюдая приличие, мы неспешно переодеваемся во все сухое. Чинно относим наши комбинезоны в сушилку и, только после того как вымыты руки и приведены головы в порядок, садимся за стол.

На столе, трудами нашей волшебницы домохозяйки, царит бесстыдное изобилие. В середине стола красуется лоснящимися боками и окороками запеченная с яблоками индейка. Рядом супница источает аромат наваристого борща. Недалеко от нее расположилась густая сметана. Тут же глубокое блюдо с салатом из овощей. Крынка с парным молоком заняла свое место (одному Богу известно, где Надежде удалось найти хозяйку парного молока и уговорить ее каждое утро доставлять нам его). Почти на краю стола примостилась хлебница со свежим и душистым с хрустящей корочкой хлебом. Нам его привозят из пекарни за отдельную плату. Принимаемся дружно за трапезу. Какое-то время ничто не нарушает в столовой тишину. Только слышно, как скользят ложки по тарелкам, да усердное сопение ребятишек. Утоляем голод.

После обеда все разбредаются кто куда. Супруг решил отдохнуть. Владимир со старшим внуком отправились в гараж навестить машины. Девчонки и ребята, включая младшего внука, увлеченно принялись за подарки. Мы с Надеждой занялись уборкой дома. Провозились до глубокой ночи. Детишки давно спали в своих кроватках крепким сном. Мужчины, приведя двор в порядок и приготовив лыжи для завтрашней прогулки, тоже отправились на покой. Только мы вдвоем все терли и протирали. Зато какое испытываешь удовлетворение, обходя приведенные тобой в порядок комнаты...

А на следующий день нашей прогулке не суждено было сбыться. Ночью занялась метель. Всю ночь и весь следующий день мело не переставая. За окном, кроме белой круговерти, ничего не было видно. В каминной трубе гудело и завывало так, будто там установили расстроенный орган. В комнатах царил полумрак. И даже камин, что затопили по этому случаю рано, не в силах был разогнать сгустившийся в гостиной сумрак. Пламя обогревало и наполняло уютом только маленький пятачок: два громоздких старинных кресла, коврик и меня с ребятишками, слушающих очередную сказку под вкрадчивый аккомпанемент рояля. Потом, помню, начитавшись вдоволь, пели хором любимые песни, играли в детские забавы... Рассказывали друг другу истории смешные и не очень. День пролетел незаметно. Пора и на покой. А за окном не унимается непогода, занося снегом убранный

вчера двор, нашу горку, оленей из прозрачного пластика и две прелестные пушистые маленькие елочки.

Незаметно для всех пролетело очаровательное время детских каникул, загруженное до отказа лыжными прогулками, катанием на горке, путешествием в сказочный мир театра и сказками по вечерам под тихую песню рояля и согревающее пламя камина, когда весь дом погружался в темную дремоту.

* * *

После отъезда малышей жизнь вошла в свою привычную колею. Начались занятия в школе. Походы с учениками в театры. А по вечерам мы совершали прогулки по своей любимой аллее. Иногда обсуждая что-то, иногда споря о чем-то, не соглашаясь друг с другом, но чаще всего молча, наслаждались кружением снежинок, в их зачарованном вальсе, или монотонным стуком дождя по зонту и лужам, скрипом шагов по усыпанной гравием дорожке. В такие минуты в душе царил покой и она улыбалась.

* * *

— А помнишь, как меня напугал дельфин?

— Мой соперник, как его забудешь....

Смеется. До боли родной голос и смеющиеся глаза.

Дело было летом. Мы отдыхали на даче – небольшой двухэтажный домик с просторной террасой расположился на возвышенности. Окружающий дом редкий сад заканчивается у самой кромки обрыва. Пыльная из мелких камней и гравия дорожка, с грубо выбитыми в камне ступеньками, помогает спуститься к воде. А у основания скалы начинается пляж. Отливающий золотом на солнце песок раскинулся широко. Ласковое море ежеминутно пытается смыть эту позолоту. Слева и справа пальмовые заросли. И только где-то там, вдалеке, виднеются крыши томящихся под палящим солнцем вилл. Мы намеренно выбрали это укромное место, стремясь уединиться. Бывают минуты, когда одиночество приносит наслаждение.

Вечер. Солнце медленно опускается за горизонт, накинув на поверхность воды оранжевую шаль. В проем распахнутой двери любимому хорошо видна терраса, небольшой столик с витиеватыми ножками, два стула по бокам и мой силуэт на фоне заходящего светила. Пальцы привычно бегут по клавишам. Музыка, переплетаясь с шепотом моря, зачаровывает, смутно рождая образы и чувства.

– А не пойти ли нам на вечернюю прогулку?

– С удовольствием, – соглашаюсь я.

Спускаемся к воде. Море спокойно. Солнце почти ушло за горизонт. Маленькие волны потеряли свою прозрачность.

– Куда ты? А если там глубоко?

А мне непреодолимо хочется войти в воду. Вхожу и наслаждаюсь сопричастностью бытия...

Начинается прилив, вода прибывает, аккуратно зарывая мои ноги в песок. Слышу за спиной тревожный голос: «Пора выходить». Да, думаю, пора, и вдруг замираю от ужаса, ясно ощущая, как к моим коленям прильнуло холодное крупное тело. Что это может быть? Машинально наклоняюсь и едва касаюсь его. Тело напряглось и медленно ушло в глубину. Панический страх гонит меня из воды. А где-то там, в ночи, раздался удивительный звук – не то радостный, не то победный. Дельфин?! С трудом унимаю дрожь.

Обнявшись, молча идем вдоль берега, слушая тихую песню моря, а теплый ветер, играя, треплет влажный подол юбки.

Утро. Едва проснувшись, спешу к окну. Морская гладь безбрежна, и ничто не напоминает о вчерашнем. День пролетел, как всегда, быстро и незаметно. А вечером, едва прозвучали первые аккорды, вдалеке, почти у горизонта, показалось еле заметное движение. Как будто что-то потревожило спокойную поверхность воды. А из распахнутых дверей лилась и лилась музыка, заполняя собой мир. Уютно устроившись в кресле, почти медитирую. Но вот замерли последние аккорды и тут, в наступившей тишине, ясно прозвучал тот самый удивительный звук. Море на горизонте всколыхнулось. И теперь ясно можно было различить, как стоя дельфинов мчит к берегу. Тела их то погружаются, то взмывают торпедами над водой, то, выныривая из воды,

взлетают вверх, вращаясь с невероятной быстротой вокруг своей оси. И в этом движении почти физически ощущается сила радости и восторга. Ближе к берегу один из них перевернулся и, замерев на мгновение, помахал плавником. Что это было? Случайное движение или намеренный жест? – для нас по сей день остается загадкой.

Мы, спеша, спустились к воде, но дельфинов и след пропал. И опять, как каждый вечер, обнявшись, молча, идем вдоль берега, слушая тихую песню моря, а теплый ветер, играя, треплет подол юбки.

Все повторилось и на следующий день, и на следующий... Дельфины, как благодатные слушатели, неизменно появлялись и так же неизбежно исчезали в морской стихии. Дни отдыха протекали в спокойной неге и согласии. Днем расслаблялись на пляже или гуляли, изучая окрестности, а вечера заполняли музыкой либо чтением книг.

Но однажды среди ночи меня разбудил ужасный грохот, казалось, небо разорвалось на части. Я спустилась на террасу. Жуткая картина развернулась передо мной. Море вздыбилось. Огромные страшные волны неслись к берегу, заполняя собой весь пляж, но у самой кромки сада каким-то волшебным образом теряли силу, с грохотом и ревом раненого зверя обрушивались на прибрежный песок и, царапая его, нехотя уползали вглубь, бесстыдно обнажая дно, чтобы через секунду вновь подняться к небесам и наконец дотянуться и стереть с лица земли и сад, и дом, и одинокую фигурку

на террасе. Невозможно было оторвать взгляд от этой мощи. Вода светилась изнутри и отливала ядовитым зеленым светом. Небо то и дело разрывали молнии, ветер, взбесившись, наотмашь хлестал упругим дождем. Вцепившись онемевшими руками в перила террасы, не замечая ни ледяного дождя, ни крушащего все вокруг ветра, зачарованно смотрю на летящую на меня водяную глыбу. Так, наверно, моряки прощались с жизнью среди разбушевавшейся стихии. Очнувшись, почувствовав, как родные руки набросили мне на плечи дождевик. Закутали в него, заслонили от непогоды.

Буря затихла так же внезапно, как и началась, оставив после себя горы шипящей пены. Весь берег был завален ею. После пережитого спать не хотелось. Накинули на пижамы дождевики, сапоги и пошли бродить среди тающих гор. А море как ни в чем не бывало нежно ласкало и убаюкивало.

Возвращались, когда солнце уже высоко поднялось над водой, а игривый ветерок обвевал прохладой. Как же здорово, приняв душ и смыв с себя память о гневе стихий, зарыться влажной головой в пахнущую свежестью подушку и, закрыв глаза, погрузиться в негу!!!

* * *

Неожиданно мужу пришло приглашение на участие в музыкальном турне. Впервые предстояло путешествие по городам Европы. Отказаться не было сил. Слишком заман-

чиво предложение. Время гастролей приближалось. И чем ближе был день отъезда, тем тревожнее день ото дня становился его взгляд. Тем больше времени он проводил за роялем. Занятия с учениками были отменены. Вечерние прогулки заменила музыка. И только школа помогала отвлечься от томивших дум.

– Расскажи, что тебя беспокоит?

– Страшно! Мне кажется, я не справлюсь, запутаюсь или забуду ноты... – Странно было слышать подобное из уст человека, казавшегося всегда уверенным, знающим все тайны вселенной и от этого твердым и непоколебимым.

– Как ты можешь сомневаться в силе музыки?! Она всю жизнь шла с тобой рука об руку. Поддерживала тебя в трудную минуту. Помогала в испытаниях... – Я от неожиданного его признания растерялась. Но молчать сейчас и ждать, когда волнение уляжется и верные мысли придут на помощь, было преступлением. Меня понесло. Выкладываю, волнуясь, первое, что приходит в голову. – Поверь, где бы ты ни был, каждый раз, как только прозвучит первый аккорд, она распахнет перед тобой врата своего царства, и для тебя, погруженного в нее, перестанет существовать весь этот бренный мир с его слушателями, судьями, тревогами и переживаниями. Верь ей и не сомневайся, и она спасет тебя! Ты только верь и не сомневайся...

– А ты? Тебя там не будет? – В эти минуты он был похож на маленького наивного ребенка. Я его таким еще не

знала и не успела решить для себя, нравится мне это или нет.

– Смешной, там, где она, меня нет. Не может быть двух властителей дум. Я могу быть только рядом с вами.

Стоило только произнести мне эти слова, в тот же миг ГРУСТЬ и ОТЧАЯНИЕ овладели всем моим существом. Внутренне я не готова была с кем-либо делить его, даже с музыкой. Ревность окатила горячей волной. Внутри все кричало: «...нет, только Я, только МОЙ!!» Не в силах справиться с собой, я уткнулась в его грудь, крепко обхватила его руками, пытаясь всеми силами души сохранить для себя то, что считала только своим. Не знаю, сколько прошло времени с этого момента. Как на вершине счастья, так и в бездне отчаяния – ты выпадаешь из бытия. Стала приходить в сознание, когда услышала его спокойное, ровное дыхание. Подняла голову, на милом лице царил покой. Поднявшись, медленно бреду в свою спальню. Жуткая усталость сковала все тело.

В душе господствует горечь от произнесенных мною слов. «Что произошло?» – пытаюсь вернуть безмятежность. «Я только хотела поддержать и успокоить...», «Тебя еще никто не предал...», «Откуда это собственничество...», «Речь шла всего лишь о музыке...» – но покоя не было. Ночью практически не спала. Крутилась с боку на бок. Тревога гнала сон. Поутру не выручили даже тренажеры. Убегающая вдале лесная тропинка с поющими птицами только раздра-

жала. День как в тумане. И только вечером, на прогулке в нашей аллее, когда родные руки обхватили мои плечи, а родной голос тихо произнес: «Ты не права – там, где нет тебя, нет и ее, она может быть только рядом с нами», – внутри отпустило, и я вздохнула глубоко и свободно. Подумалось – не зря Бог создал для Адама Еву. Один – это всегда трагедия.

* * *

Незаметно приблизилась неделя сборов в дорогу.
– Я поставил им условие – без тебя не поеду.
– Ты с ума сошел. Кто будет с этим считаться. Они просто откажут тебе...
– Пусть... – Вот так неожиданно, спустя много лет совместной жизни, когда кажется, ты все о нем уже знаешь и нового ничего случиться не может, вдруг он, как старая любимая и затертая до дыр книга, распахивает перед тобой новую страницу, ту, что дарит книге новый глубокий смысл. И тебе, в который уже раз, хочется прочесть ее от начала до конца, повторив любимые места, разгадав последнюю тайну.

Все обошлось. Париж принял нас благосклонно. Погода стояла по-весеннему теплой. Природа пробуждалась. В воздухе витал терпкий запах распускающейся зелени. Оживали и люди. Освещенные ярким солнцем лица прохожих све-

тились улыбками.

Первый концерт. Зал переполнен. Дружные аплодисменты приглашают исполнителей на сцену. Музыканты заняли свои места. Вот и супруг подходит к предназначенному ему роялю. На лице хорошо скрываемое смятение. Пальцы слегка дрожат. Мне это хорошо видно. В груди у меня что-то сжимается до боли. Вот он садится за рояль. Спина напряжена. Входит дирижер. Взмах дирижерской палочки. Пальцы, мужа касаются клавиш... И происходит чудо... Напряжение сходит с его лица. Спина расслаблена. Пальцы спокойно и уверенно бегут по клавишам. И тут я неожиданно для себя осознаю – Его с нами нет... Музыка, всецело завладев им, увлекла в свой неповторимый мир. И там они царствуют вдвоем без меня. Но, странно, куда подевалась моя ревность? Почему молчит? И на душе покой... В груди отпустило.

После концерта иду за кулисы. Стоит прежний, уверенный в себе и окружающем нас мире. Знакомый смеющийся взгляд. Лицо светится. Нет, думаю, не обманешь, музыка все еще держит тебя в своих объятиях...

За Францией последовали Англия, Германия, Испания, Италия... Везде их выступления принимали хорошо. Но и к концу гастролей картина выхода на сцену моего милого с постоянной неизменностью повторялась. Тот же беспокойный и неуверенный взгляд, то же дрожание рук, но стоило прозвучать первым аккордам – происходило преобразование.

И опять, в который раз, музыка, завладев всем его существом, уносила моего любимого в свои беспределы, оставляя огромные залы и меня в них там, в забыты.

Вернулись обновленные, переполненные впечатлениями. Дом встретил нас царившим в нем уютom, чистотой и теплом. Как замечательно возвращаться в родные стены. Мы, как робинзоны после долгих приключений, искренне радовались каждому уголку, каждой детали нашего жилища.

** * **

В музыкальной школе заканчивается учебный год. Последние занятия. Преподаватели выводят итоговые отметки. Впереди летние каникулы. На последнем собрании учителей муж объявил всем, что принял решение провести в своей маленькой школе косметический ремонт в течение лета, оплатив все расходы из заработанных на гастролях денег, но нужны добровольные помощники. И работа закипела. Пригласили строителей. Те в течение отведенного им времени поменяли все имеющиеся в здании оконные рамы и двери, включая входные. Стены в классах обшили звуко-непропускаемым материалом. Перекрасили всю школу внутри и снаружи. Теперь каждый класс казался светлее и просторнее. Состарившиеся музыкальные инструменты заменили новыми. В классе, где проходят уроки сольфеджио, парты и классную доску привели в порядок. Каждый пре-

подаватель принялся на свой вкус украшать отведенный ему кабинет. Развесили по стенам портреты музыкантов и великих исполнителей. Закупили новые шторы, на окна. Цветы в горшках отправились выбирать все вместе. Долго блуждали по оранжерее среди цветочного великолепия, не решаясь на чем-либо остановить свой выбор.

Но вот пришел день, когда трудами взрослых школа заблистала вымытыми новыми окнами. Классы уютно заполнили горшки с цветами. А среди штор, портретов и цветов, зазывно в своем великолепии, засверкали новенькие пианино, трубы, скрипки, контрабасы. Даже буфету было чем похвастать. Стены его украшали репродукции знаменитых художников. Воздушные столики и стульчики сияли белизной и металлом. Витрина ждала своего часа. Пришел черед привести в порядок двор. Закупили саженцы. Рассадили их вокруг школы, а на старые деревья повесили изготовленные на заказ замысловатые кормушки для птиц и скворечники. Птицы, конечно, не стали дожидаться конца лета. Тут же заселили новое жилье. Под окнами разбили клумбы. Нашли среди знакомых одинокого бедолагу лет пятидесяти шести, отвели ему помещение под личный кабинет с личным креслом-кроватью, потеснив немного светлую, с большими окнами во двор, пахнущую свежей краской кладовую для продуктов, и утвердили на должность сторожа-садовника. В его обязанности входило следить за порядком в школе и на школьном дворе по ночам и за школьным садом днем. Оклад

выделили министерский. Бедолага не мешкая приступил к своим обязанностям. Снес нехитрые пожитки в свои апартаменты и принялся ухаживать за доверенным ему садом. Да так усердно, что к концу лета деревца, посаженные нами, заметно окрепли, а клумбы радовали своим многоцветьем.

Незаметно для всех нас пролетело лето. В первый же выходной сентября намечалось открытие нового учебного года в нашей школе. Несмотря на проведенное в усердном труде лето, в коллективе царило праздничное, приподнятое настроение. В течение недели до открытия в хоровом классе царило оживление. Основной школьный хор, как было принято, собирался на спевку. Отдохнувшие, набравшиеся новых сил и успевшие соскучиться по школе, ребята пели с полной отдачей.

Пришел назначенный День!

Мы с мужем поднялись ни свет ни заря. Сосредоточенно проведя минут пятнадцать на тренажерах, окончательно разогнали остатки сна. Отвели праздничный завтрак, приготовленный заботливыми руками нашей Надежды. Приняв души и не спеша облачась в праздничные одежды, отправились в школу.

Школа, светлая, как будто умытая, радостно сияя новенькими окнами и удивляя пышными клумбами под ними, с нетерпением ждала своих учеников. Ждать ей пришлось недолго. Вскоре двор заполнили детский щебет и радостные

лица взрослых. Преподаватели с трудом справляются с подаренными им цветами, а ученики все прибывают и прибывают, букеты в руках учителей все растут и растут... И вот наступил тот долгожданный час, когда дети выстроились перед школой полукругом, заполнив собой двор, а взрослые послушно отступили.

И взвился в небеса дружный хор чистых и звонких, как родник, детских голосов. Создалось впечатление, будто ангелы на небесах подхватили песню и голоса их слились с голосами детей. И над всем этим великолепием царствовали руки с тонкими красивыми пальцами моего супруга. Чуть заметный взмах вверх – и голоса взмывают своей кристальной прозрачностью ввысь, едва заметное движение руки вниз – и, как фон, вплетается в это величие, слегка оттеняя его, басистый хор старшеклассников. Взрослые не в силах справиться с эмоциями. У многих слезы на глазах. Окна близлежащих домов распахнулись. Улицу постепенно заполняет толпа слушателей. А поющие лица ребятишек светлы и по-неземному величественны. Мальши, которым еще только предстояло учиться в этой школе, замерли, околдованные услышанным.

Но вот затихает, там, в вышине, последнее ДО и наступает на мгновение плотная тишина. Строй ребятишек дрогнул и струйкой, под собственный щебет, постепенно влился в здание школы, заполнив собой давно скучающие классы. Вслед за ними так же струйкой влились и мальши

со своими огромными букетами. Взрослые остались на улице, возвращаясь к жизни. Окна близлежащих домов затворились. Собравшаяся толпа слушателей растаяла.

Так начался учебный год в музыкальной школе моего милого. Птицы благодатно пели, а молодые деревца вокруг школы благодаря бдительному присмотру сторожа-садовника обещали окрепнуть и возмужать.

И потекли обычные будни. Один день похож на другой. Жизнь вошла в свою колею. Как было заведено, по четвергам в нашем доме проходили музыкальные вечера. Менялась только программа этих концертов. Все чаще стало звучать голосовое пение без музыкального сопровождения или чтение под аккомпанемент рояля, иногда звучали стихи. Мы стали чаще приглашать подрастающих музыкантов, выпускников его школы. Ребята, закончив школу, шли учиться дальше, но связь их с мужем не прерывалась. Они, как и прежде, в дни музыкальных вечеров, спешили посетить наш дом. Гостиная, где формировалась их молодая душа, стала для них родной.

* * *

В очередной раз пришло супругу приглашение на участие в музыкальном турне. Как и в прошлый раз, он настоял на моей поездке с ним. Я этому была только рада. Но на этом любимый не успокоился. Решил взять с собой не только ме-

ня. Учился в его школе удивительно способный мальчишка. Очень часто они исполняли то или другое произведение вместе в четыре руки. И пришла моему суженому в голову мысль – взять ученика с собой. Уж очень ему хотелось показать всему миру необыкновенное дарование мальчугана. Договорились с дирижером оркестра, провели несколько показательных репетиций, и решено было выступление юного музыканта тоже включить в программу.

И вот мы опять в Европе. Стою за кулисами рядом с ними. У мужа, как прежде, тщательно скрываемое напряжение на лице, а уж про мальчишку и говорить нечего: глаза как два безбрежных оута, лицо залила бледность. Муж наклоняется к нему: «Поверь, где бы ты ни был, каждый раз, как только прозвучит первый аккорд, музыка распахнет перед тобой врата своего царства, и для тебя, погруженного в нее, перестанет существовать весь этот бранный мир с его слушателями, судьями, тревогами и переживаниями. Верь ей и не сомневайся, и она спасет тебя! Ты только верь и не сомневайся....» Я поняла – мне можно занять свое место в зале.

* * *

Лето – время каникул. Деревца на школьном дворе набирали силу. На клумбах, под окнами школы, распустились пышным цветом бутоны. Отзвучали очередные выпускные

концерты. Отшумел своей пышностью выпускной бал. И мы засобирались в путь-дорогу.

Это лето решено было провести на даче в кругу обожаемых нами детей и внуков в нашем домике на берегу океана. В этот раз с нами отправлялась Надежда, оставив Владимира присматривать за домом. Муж уложил в чемодан ноты, намереваясь обучать малышей музыке. Я, в свою очередь, выбрала самые интересные, на мой взгляд, детские книжки. Взяла в основном книги о приключениях. Надувные матрасы, ласты и прочий арсенал для купания решили приобрести на месте. Что мы и сделали по приезду, ожидая детей.

Дача нас встретила сумраком затененных шторами окон, слоем пыли и тишиной. В ожидании приезда малышей мы привели с Надеждой домик в порядок. Причесали и подстригли наш запущенный редкий садик. Подмели двор. Закупили продукты. И принялась Надежда колдовать на кухне, а мы, взяв напрокат автомобили, помчались в аэропорт, встречать ребятшек. Опоздание исключалось. Приехали в аэропорт за час до прилета. От волнения не присели ни на минуту. Час показался нам вечностью. Но вот, наконец, они – родные смеющиеся лица. Слегка уставшие, но довольные, все в предвкушении предстоящих впереди приключений. Вернулись домой ближе к полуночи. Там нас ждали празднично накрытый стол и мягкие уютные постели. Окна во всем доме были распахнуты настежь, и теплый ветерок неспешно волновал шторы, а с моря доносился мерный убаюкивающий

звук прибоя. Ребят из-за стола до кроваток переносили на руках. Сон сморил мальшей прежде, чем они закончили свою трапезу. Уж слишком много в этот день выпало на их долю приключений.

* * *

Утро. Из окна доносятся детские радостные голоса, мерный звук прибоя да стук ножа из кухни. Пора вставать. Подхожу к окну. За окном сад. Кольшутся под напором ветра опахала пальм. Яркое горячее солнце заставляет за-жмуриться. День в полном разгаре. Спускаюсь в столовую. Никого. На кухне Надежда готовит обед. Наспех перекусив, выхожу во двор. Спускаюсь к морю. Муж с детьми играет в пятнашки. Все увлечены игрой. Меня не замечают. Стою, наблюдаю. Кто-то споткнулся, упал один, на него другой, и получилась куча- мала. Смех, визг. Как по команде сбрасывают шортики и в набегающую волну гурьбой. Мой супруг, как ребенок, с ними. Выхожу на берег и сажусь под зонт. За-метили, наконец. Все, неожиданно, повторяя действия мужа, зачерпнув в ладошки воду, ринулись ко мне. Включаюсь в игру, подсказываю и бегу вдоль берега, стараясь убежать от ликующей ватаги. Куда там!

Выплеснув накопившуюся энергию, садимся под зонт читать привезенную мной книгу о приключениях Тома Сойера. Ребята слушают затаив дыхание. Фантазия, завладев

их умами, погрузила путешественников в мир приключений. Так незаметно подкрался вечер. Поужинав, принялись собирать в округе сухие ветки для костра. Ребята нашли где-то небольшую высохшую пальму и с трудом приволокли к дому. Муж разрубил ее на поленья. Поленья снесли на берег, сложили их домиком, добавили сухих веток. Костер был готов. Осталось дождаться сумерек и запалить его.

Сумерки не заставили себя ждать. Солнце мерно закатилось за горизонт. На небо высыпали звезды. Океан приобрел цвет чернил. Щелкнула зажигалка, выбивая пламя. Сухая трава задымилась, и дружные, но еще робкие языки пламени засуетились, разгоняя тьму. Вот, потрескивая, запылали сучья, а за ними неспешно, дымясь, загорелись поленья. Вечерняя прохлада заставила всех придвинуться поближе к огню. В образовавшемся световом круге счастливые лица детей, а за его пределами сполохи пламени рисуют причудливые огромные загадочные тени. Вдруг мерный шорох прибоа нарушили чьи-то шаги. Становится немного не по себе. Все напряжены. Затаив дыхание, вглядываемся в темноту в надежде разглядеть что-либо. Но непроницаемая стена мрака и мерная поступь приближающейся неизвестности заставляет нас затаить дыхание. Муж приподнимается: «Вы кто?» В его голосе слышна тревога...

– Я, это Я, – раздается почти рядом спокойный, чуть грубоватый голос Надежды. Тут же приходит облегчение. Надежда, держа в охапку наши теплые вещи, вошла в поло-

су света. Обошла нас по кругу, накинув каждому на плечи теплую кофту. Присела с нами. И полились рассказы под шум ласкающей берег волны и исходящее искрами потрескивание костра. Время пролетело быстро. Опомнились, когда костер стал догорать. Малыши, почти засыпая на ходу, дружной стайкой направились к дому. За ними, запорошив остатки пламени, тронулись взрослые.

** * **

С самого утра зарядил крупный дождь. Он с шумом поливал листья пальм. Громко стучал по крыше. Бежал не переставая по песку, утопая в нем, от этого песок потерял свою золотистость и приобрел темно-бежевый цвет, мерно шлепал по воде, разбрызгивая ее.

Вода с неба падала в таком количестве, что казалось, там, на небесах, случилось наводнение. Все приуныли. Вчерашний день оставил после себя столько впечатлений, что не повторить его было просто преступлением. Неожиданно в гостиной зазвучал рояль. Яркая, как солнечный свет, и в то же время грустная мелодия заполнила наш дом. Звучал «Вальс дождя». Все как один потянулись к роялю. Забыв о дожде, молча внимали музыке. За вальсом последовали: «Лунная соната», «Диви цветя», «Утро», «Душа роз», «История любви», «Когда море поет», «Адажио»... Время шло, а музыка все лилась и лилась, заполняя наши души востор-

гом. А дождь, уже никого не волнуя, продолжал, мерно отбивая такт, стучать за окном.

На следующий день погода не изменилась. За окном упругие струны дождя настойчиво заливали пространство. Ветер чуть усилился и пытался склонить промокшие пальмы к земле. А те так же упорно сопротивлялись, отмахиваясь от порядком надоевшего забияки своими широкими листьями. Море немного штормило. Белые гребешки на гребне волны усердно спешили к берегу, а коснувшись его, возвращались за волной в море.

В нашем доме царит уют. Супруг со старшим внуком увлеченно штудируют азы нотной грамоты. Мальчишка давно проявлял интерес к роялю. Наконец непогода предоставила им возможность позаниматься. Остальные малыши затеяли игру в прятки. Благо есть где разгуляться. Надежда царствует среди кастрюль. Я стою у окна, наблюдая за тем, как разволновавшееся море постепенно заполняет берег. Там одиноко, трепеща и вздрагивая на ветру, стоит, всеми забытый, наш большой зонт, что в жаркую погоду гостеприимно укрывал нас от палящих лучей. Решила ему помочь.

Никого не предупредив, набрасываю на плечи дождевик, натягиваю резиновые сапоги и выхожу на крыльцо. Задира ветер радостной удушливой волной бьет в лицо. Запахиваю поплотнее плащ, набрасываю капюшон на голову и ныряю в непогоду. Дождь, как будто только этого и ждал, ярост-

но забарабанил по плечам и голове. Ступаю осторожно в несущийся вниз по ступенькам нашей тропинки поток. Ноги скользят. Вода заполняет сапоги. Полы плаща, волнуясь, то разлетаются в разные стороны, то зарываются в колени. Идти трудно и страшно, но половина пути уже позади. Наклонившись, упрямо двигаюсь вперед. Вот и долгожданный песок. Вздохнула. Огляделась. Здесь, внизу, картина немного иная, чем та, что я наблюдала из окна. От края и до края заполнил собой бескрайний оголенный берег. Я кажусь себе затерянной песчинкой в бесконечности. Стою, продрогшая, запахнувшись поплотнее в дождевик, и наблюдаю, как это огромное пространство неумолимо постепенно погружается в морскую пучину. Почти физически ощущаю силу перво-зданной природы.

Страх перед мощью стихий перехватывает дыхание. А где-то там, в центре этой бесконечности, одиноко трепещет мой зонт. Коварная волна уже подкралась к нему и ласково облизывает его основание. Пытаюсь бежать, но упругий ветер навстречу и вязкость набухшего песка останавливают мой бег. Напрягаясь, как в кошмарном сне, иду вперед. С небес льет не переставая. Вот и зонт. Пытаюсь справиться с его замком. Пальцы беспомощно скользят по металлу. Наконец звучит щелчок. Огромные намокишие крылья накрывают меня с головой. Будто, благодаря, пытаются укрыть от непогоды. Высвобождаюсь и аккуратно скручиваю их. Зажав под мышкой верхушку, шагаю обратно. Ша-

гать значительно легче. Теперь ветер с несгибаемым упорством толкает меня в спину. Ножка зонта царапает песок, прокладывая в нем колею, но я этого почти не замечаю. Вот царство песка закончилось, а впереди заливаемый водой оскал оголенных ступенек. Опираясь на древко, как на посох встаю на ступеньку. И опять сапоги заполняет вода, а ноги скользят. Но теперь мне помогает дружище ветер, аккуратно поддерживая меня сзади.

Так, постепенно, шаг за шагом, наперекор потоку, поднимаемся к дому. С облегчением переступаю порог и втаскиваю поникий зонт. С нас ручьем льет. На полу мгновенно образовалась огромная лужа. В сапогах хлюпает. Но на помощь уже спешит Надежда. Передаю ей свой промокий трофей. Сбрасываю плащ и сапоги и, оставляя мокрые следы, на полу, шагаю в душ. А в доме жизнь идет своим чередом. Приняв душ и облачившись в сухие одежды, приглашаю малышкой в гости к Тому Сойеру. Те с радостью соглашались. И вот мы, расположившись на мягком диване, в который уже раз погружаемся в мир приключений.

Под утро дождь прекратился. Песок мгновенно впитал его остатки. Потоки воды исчезли с нашей тропинки. Жаркое солнце вновь воцарилось на ясном, без единого облачка небе. Муж умудрился где-то заказать прогулку на катере. Завтрак подходил к концу, когда в распахнутые двери, что вели на террасу, ворвался зазывный гудок маленького прогулочного катера. А у берега в ожидании нас замерла лодка.

Оставив остатки трапезы на волю Надежды, мы, прихватив шляпы и панамки, дружно спустились к морю. Заполнили лодку и тронулись в путь. С трудом преодолев подъем на теплоходик, мы оказались, наконец, на палубе. Катер тронулся, а мы, наклонившись над поручнями, с любопытством стали рассматривать сквозь прозрачную толщу воды царство Нептуна. Вон стайка блестящих рыб, играя, закружилась в воде. Взрыв детского восторга потряс воздух. Вон, где-то далеко на дне, колышется лес из морских водорослей. А вон на обнаженном чуть голубоватом песке расположилась оранжевого цвета морская звезда... С кормы вдруг донеслось: «Сюда, сюда – дельфины!» Все устремились на голос.

Боже, какая красота открылась взору! Морская ширь раскинулась до горизонта. И в этой безбрежности наперегонки с нашим судном, играя, мчались дельфины. Полет их был настолько стремителен, что взор едва поспевал за ними. То удаляясь, то приближаясь, будто куда-то маня, то внезапно исчезая, то так же внезапно появляясь, резвились хозяева морских просторов. Вот далеко впереди один из них легко взвился над водой и, покружившись вокруг своей оси, мягко ушел под воду. Вот второй, третий повторили его танец. И в танце этом чувствовалось столько радости, столько восторга. Поиграв вперегонки, дельфины исчезли. А мы еще долго делились впечатлениями.

Ближе к ночи устроили на просохшем за день берегу ко-

стер. И вновь под куполом ярких мигающих звезд под мерный шепот волны полились рассказы о дальних странах и невиданных чудесах. Надо отдать должное моему супругу, он ко всему еще и великолепный рассказчик.

Так, незаметно, пролетели два месяца, наполненные походами по окрестным местам, чтением книг, играми на пляже да ночными сказками у костра под шорох волн и яркое мигание звезд на бескрайнем черном небосводе... Закаты были заполнены волшебной музыкой рояля и восторгом, когда дельфины, благодатные слушатели, спешили к берегу, чтобы выразить свое признание музыканту, перед тем как исчезнуть в просторах океана. У детей начинались отпуска, и они спешили к нам в уютный домик на берегу океана. Радости не было предела.

Две недели в кругу детей и внуков пролетели незаметно. Пришла пора прощаться. Мы с мужем стали собираться в дорогу, домой. Пора было готовиться к гастролям, назначенным на октябрь.

Наступил день отъезда. В молчании все расселись по машинам и до аэропорта не произнесли ни звука. Подзагоревшие за лето, заметно вытянувшиеся, посвежевшие, ребята сосредоточенно наблюдали пробегающие за окнами автомобиля картины. Да и нам с мужем жаль было расставаться с родными. За эти два месяца, что мы провели вместе, мы создали в нашем коттедже маленький рай, где всем было

уютно, весело. Где всех объединяли одни идеи, одни переживания, одни очаровательные приключения.

Аэропорт встретил нас многоголосием и суетой. Мы окунулись в стремительный ритм кочевой жизни. Кто-то куда-то спешил, кто-то спешно пытался найти информационное табло, очередь у касс в постоянном движении. Наши внуки в этом людском омуте выглядели растерянными. Но вот прозвучал призыв на посадку. В последний раз, прощаясь, обняли родных и переступили порог терминала.

* * *

Мы в пути. Просторный выдержанный в серо-синих тонах салон. Широкие мягкие кресла в три ряда. Слегка удушливый запах. Еле слышимая вибрация, вдавливающая нас в кресла при взлете самолета. Устраиваемся поудобнее. Повернувшись ко мне, мой милый, улыбаясь, целует в щеку, откидывается на подголовник и закрывает глаза. Руки с красивыми длинными сильными пальцами покоятся на коленях. Расслабленная поза его говорит о безмятежности и душевном спокойствии. Молоденькие стюардессы в облегающих их стройные фигурки небесного цвета костюмчиках и такого же цвета пилотках, шествуя между рядами, любезно предлагают пассажирам газеты, напитки и легкие пледы. Крохотные вентиляторы старательно заполняют помещение свежим, разряженным воздухом, отчего в салоне довольно

прохладно. Перед нами, на маленьком мониторе, пунктирная линия, что тянется за хвостом крошечного самолётика, прочерчивает на изображенной карте путь нашего полёта – дорогу домой.

А за стеклом иллюминатора проплывают не спеша воздушные замки с остроконечными крышами. Время от времени, незаметно для глаз, меняют они свою форму: то образуя широкие поляны, окаймленные холмами, то бесконечно глубокие голубые озера, на дне которых спрятаны леса, деревни, дороги с мчащимися по ним игрушечными автомобилями, поля с четко очерченными краями, похожие на шахматную доску. То вдруг воздушные замки разлетаются легким туманом, как кисеёй занавешивая иллюминатор. Причудливые спокойные светлые их картины зовут воспоминания юности. И те приходят неспешной чередой...

Глава вторая

Предновогодний вечер

(повесть о первой любви)

*Мы продолжаем вдаль бежать,
Назад уже не повернуть...
Но время не умеет ждать,
А вечность нам не обмануть.*

Мне 16 лет, и я на родине. Город Томари (Сахалин)

Мои родные, в этой истории есть неточности, но вымысла нет

Предновогодний вечер. В сгустившихся сумерках ярко светятся окна домов, переливаясь, как в сказке, всеми цветами радуги. За шторами мелькают суетящиеся тени.

Взявшись за руки, не спеша, идем с мамой по безлюдной улице по направлению к дому.

– Как тебе фильм?

– В свои сорок четыре мама выглядит лет на десять моложе.

Милое, с мягкими чертами лицо излучает доброту. А подчеркнуто утонченная по-девичьи фигурка притягивает взоры.

Моя мама, Лидия Алексеевна Виноградова

– Сегодня очень грустно. – Мне не хочется поддерживать разговор.

Мысли мои далеко, не то в будущем, не то в прошлом. Предчувствуя перемены, душа в смятении. Что-то неясно волнует и беспокоит. Но что?! Не могу понять. Как бывает только в юности, хочется дотянуться руками до звезд или, раскинув руки, кружиться-кружиться-кружиться...

И тянутся за нами из бесконечности четкие отпечатки следов на занесенной порошей дороге. Тишина, как верная подруга, шествует рядом.

А мерный хруст снега под ногами оповещает окрестность – мы идем. Приближаемся к дому. Одинокий фонарь ритмично раскачивается на ветру, выхватывая из темноты то там, то тут кусочки продрогшей под снегом земли, изгородь, заиндевевшую рябинку, усыпанную гроздьями красных ягод. Оставив фонарь позади, ныряем в темноту. За углом предстают взору освещенный таинственным лунным светом небольшой уютный дворик, окруженный со всех сторон домами, скамейка у крыльца, любимица старушек и малышей, чья-то припаркованная под черным квадратом окна машина. Дверь подъезда приоткрыта. Не спеша поднимаемся на второй этаж. Знакомые с детства и такие родные запахи окутывают нас. Щелкает замок, и мы попадаем в царство тепла и суеты. Бабушка и младшие сестренки готовятся к празднику. Смех, аромат хвои и мандаринов, мерцание гирлянд...

– Бабушка, мама с Наташей пришли! – Младшая сестрен-

ка Оля, услышав, как щелкнул замок, выбежала встречать нас. Раскрасневшаяся, с торчащими в разные стороны тонкими косичками, живые огромные глаза излучают радость бытия. Следом спешит Галина. Негустые волосы коротко подстрижены. Крупный мужской нос и тонкие губы придают ее нежному девичьему личику схожесть с чертами отца, но мягкие, искрящиеся глаза выдают добрый, застенчивый характер. Она на год старше Оли. Следовательно, младше меня на семь.

– Иду, иду. – Из кухни, шаркая тапочками, вышла бабушка. Родное улыбающееся лицо. Седые волосы аккуратно убраны под платочек. В руках зелень. – Раздевайтесь скорее и мойте руки. Уже все готово!

Моя бабушка Анна Ильинична, сестры Галина (слева) и Ольга (справа). А за бабушкой – я, Наталья

Стол почти накрыт. На белоснежной скатерти яркими пятнами, как на многоцветной клумбе, красиво расположились салат, грибы, маринады, икра, рыба, мной любимые помидоры в собственном соку. Бабушка-мастерица, обладая удивительным художественным вкусом, с присущей ей щедростью, любое застолье превращает в великолепное пиршество.

Ощущая свою значимость на правах старшей сестры и обожаемой и мамой и бабушкой дочери, неспешно мою руки и иду на кухню, в бабушкино царство. В этом дворце кастрюль и сковородок мне позволительно все: вольнодумство, насмешки в адрес младших сестер, девичьи капризы, даже порой бестактности с моей стороны сходят мне с рук. Что, несомненно, портит мой характер. Но материнская любовь этих двух замечательных женщин настолько сильна ко мне, настолько самоотверженна... Спасибо вам, мои дорогие, за счастье моего детства и юности!!! Жизнь в будущем все поправит – теперь я это знаю.

Жизнерадостность сестер, ласковые улыбки мамы и бабушки на время рассеивают мои предчувствия, и тревога отступает. Дружно садимся за стол. Наполняем бокалы. Как хорошо нам всем вместе! Так провожаем год уходящий. А

впереди встреча Нового года.

Звонок в дверь.

– Наташа, это тебя.

В комнату вслед за бабушкой входит моя подруга, Надежда.

– С наступающим всех! – Надежда, скинув в прихожей шубку, присаживается к столу.

– Ты одна? – Я удивлена. – Уже так поздно. Не страшно было добираться сюда? – Надежда живет в районе новостроек, где скудное освещение. Да и время ближе к одиннадцати. На дворе ночь. В это время и мне и ей было непозволительно выходить из дому.

– Все в порядке. – Подруга наспех поглощает все, что бабуля успевает добавить в ее тарелку. – Вы сейчас еще больше удивитесь, узнав, что я пришла пригласить Наталью на прогулку. В клубе вечер для молодежи. Как вы, Лидия Алексеевна, отпустите ее со мной?

У мамы на лице растерянность.

– Куда же вы, девочки, в такую темень?

– Но клуб недалеко, – с упрямым упорством настаивает Надежда.

Я подхожу к окну. Елка заслоняет меня от присутствующих. Тихий шелест мишуры и позвякивание игрушек сопровождают движения. Любимое мной место между елкой и окном. Здесь тихо и одиноко. Огромная, упирающаяся в потолок верхушкой, хвойная красавица широко раскинула

ветви, полностью заслонив собой окно и меня. Окидываю взором улицу, дома напротив, фонарь. Большими хлопьями идет снег, замечая наши следы. А в четко очерченном светом фонаря круге красиво в медленном танце кружатся огромные, как в сказке, снежинки.

– Хорошо. – В мамином голосе звучит тревога и неуверенность. – Только прошу, в клуб – не дальше...

– Я вам обещаю, – твердо заверяет Надежда, пытаюсь расшеять мамину тревогу.

Провожают нас всей семьей. С нескрываемой грустью смотрит мама, как мы одеваемся. У бабушки опущены руки, и вся ее фигурка излучает растерянность. В глазах сестренки любопытство.

Иду, теперь за руку с Надеждой, в бесконечность юности. А за спиной, в окне моей комнаты, елка играет нам вслед своими огнями, и беленький бабушкин платочек как постовой на посту.

– Почему ты не встречаешь праздник с родными?

– Мама увлечена новым мужем. Мне обидно... – У Надежды мама недавно вышла замуж. – Я чувствую себя одинокой.

– Не знаю почему, но я тоже. – Грусть возвращается ко мне.

Порой мне кажется, она дана была мне при рождении. Грусть, стремление к одиночеству, неясное ощущение величия бытия, чего-то непознанного, незавершенного. Как буд-

то я случайно оказалась в этом заполненном людьми мире. Непонимание их земной суеты, разборок, стремления приспособиться, утвердить себя. Все это так странно и непонятно. Ощущение, что есть что-то более значительное – но что? Как будто я забыла то, что знала, а жить надо здесь и сейчас.

Идем молча, слушаем тишину и думаем каждый о своем, о девичьем, о тревогах, надеждах, о прошлом и настоящем... Незаметно для себя прошли клуб, по виадуку спустились в старый город. Здесь так же безлюдно и сумрачно. Улицы плохо освещены, и от фонаря до фонаря под неясным лунным светом зима спешит приукрасить окружающий мир к приближающемуся празднику, засыпая все вокруг искрящимся покрывалом. За шторами окон приглушенно звучат песни и смех, сверкают огнями елки. Жители провожают уходящую жизнь и готовятся к встрече с новой.

Не заметили, как оказались в дальнем уголке города. Темная улица. По сторонам высокие, глухие заборы и ни души. И только редкие фонари то тут, то там выхватывают из темноты крохотное пространство. А когда-то здесь располагались городские бани. Всплыла в памяти картинка – я, маленькая девочка, закутанная в шаль, сижу глубоко в санках, вокруг метель густо заметает пространство, а впереди едва различимые две фигуры, чуть наклонившись вперед, тянут за собой мои санки. Это мы с мамой и папой возвращаемся зимним вечером домой из бани.

Становится неуютно. Пора поворачивать назад. Охваты-

вает волнение, почти предчувствие. А впереди, в довершение, показались три мужские фигуры. В сумраке их облик приобретает угрожающие размеры. Еще где-то глубоко в душе теплится самообладание, но все мое существо уже заполнил страх. Животный страх. Три фигуры приближаются стремительно. Отступить поздно. Идем вперед, надеясь на чудо. Чувствую, как рука Надежды сжимает мою, и слышу едва различимые слова – «Мне страшно». А уж мне-то как страшно...

– Надежда? Привет! Что вы тут делаете в такой поздний час?

– Андрей? Как же вы нас напугали. Мы сюда забрели совершенно случайно. Ты давно из армии вернулся?

– Вчера демобилизовались.

– Все?

– Да. Познакомьтесь, это Юрий, а это Владимир. Вгляды-ваюсь в лицо Юрия, и краска заливает мое.

Школа-десятилетка в Томари (Сахалин).

Я учусь в 10-м классе

Школьное увлечение в восьмом классе. Мальчик был старше меня на два года. Долговязый, посредственный ученик, но всегда в кругу друзей. Хорошая улыбка, казалось, не покидала его лица. Он выделялся из общей стайки и будоражил мои девичьи мечты. А когда отшумел их выпускной,

я совсем потеряла его из виду. И вот... Передо мной стоит красивый, широкоплечий, высокий юноша, с копной черных как смоль волос. В глазах искрится улыбка. Узнал? Я окончательно растеряна.

– Мы направляемся в клуб. Там сегодня вечер для молодежи. Вы слышали об этом? Не хотите пойти с нами?

– А почему бы и нет? – В голосе Надежды звучат игривые нотки. – Наталья, идем?

Все взгляды устремлены на меня. Чувствую, как полыхают щеки. Не успев оправиться от смущения, я едва выдыхаю: «Да». Мы направляемся в сторону клуба. За разговорами не заметили, как подошли.

– Спасибо за компанию. Я домой. Уже поздно. – Я начинаю прощаться со всеми. Смущение от встречи все еще живет во мне.

– Тогда я провожу тебя, ты не против? – Юрий смотрит мне в глаза, улыбаясь. Всю дорогу до клуба, мне казалось, он не замечал моего присутствия.

– Нет, я ее провожу, – выходит вперед Андрей, беря меня за руку.

– Почему ты? – Юрий не уступает, беря меня за другую. Я в растерянности. Чувствую себя нелепо.

Ситуацию спасает Владимир. Повернувшись ко мне, он с удивлением замечает: «Как ты умудрилась в один мигстроить нашу компанию?» – «Нет, ребята, раз решили сегодня отдохнуть, так давайте отдыхать» – это уже обращение

ко всем.

Я понимаю – упорствовать глупо, и мы дружно направляемся к дверям. А в клубе праздник в самом разгаре. Живая музыка обрушивается на нас с такой силой, что приходится кричать, обращаясь друг к другу. Разгоряченные лица, мишура, огни гирлянд, танцующие пары – все завораживает, увлекает. И мы растворяемся в общей массе веселья.

– Может, уйдем, пока никто не видит? – Юрий наклонился и тихо шепчет на ухо. Дыхание его приятно щекочет, а руки крепко и бережно обнимают меня в танце. Ощущение счастья заполняет до краев. А сердце, ликуя, готово выпрыгнуть из груди.

– Хорошо. – Мы незаметно для всех покидаем праздник. На улице по-прежнему тихо. Все так же большими хлопьями падает снег, замечая чьи-то следы. Идем по направлению к дому. Идем, не касаясь друг друга. Молчим. Но молчание наше настолько значительно, что словам в нем не хватает места. Там, где говорят чувства, любое слово бессильно. И мы это оба понимаем. Вот и подъезд, пора расставаться.

– Подожди немного, не уходи. – Я уже взялась за ручку двери, он смотрит умоляюще. От радости у меня перехватывает дыхание.

– Не могу. Меня ждут и мама и бабушка, – как будто откуда-то издалека доносится до меня мой собственный голос. – Они беспокоятся. – Стоило только мне произнести эти слова, слышались приближающиеся шаги, дверь подъезда

распахнулась и на пороге показалась мама.

– Девочка моя, пора домой. Уже очень поздно. Может, ты нас познакомишь? – Мама с любопытством посмотрела на Юрия.

Мне восемнадцать

– Да, мам, познакомься – это Юрий. Он учился в моей школе. Закончил двумя годами раньше. Встретились случайно, в клубе. А это моя мама, Лидия Алексеевна.

– Может, подниметесь в квартиру? Здесь темно и холодно. Я угощу вас чаем. – В голосе мамы звучит тщательно скрываемая тревога.

– Спасибо, Лидия Алексеевна. Вы правы, уже поздно. Я ухожу.

Наступило неловкое молчание.

– Хорошо, прощайтесь, но не долго. – Мамины шаги растворились в тишине. А мы еще долго стояли, взявшись за руки, не в силах проститься. Говорили ни о чем. Молчали, глядя друг другу в глаза. Потом опять говорили. А время бежало. Неумолимо приближался рассвет. Мама из окна своей комнаты, а бабушка из окна кухни наблюдали за нами. Нам это было хорошо видно. Но кто-то правильно заметил: «... влюбленные никогда не жили на этой грешной земле. Даже тогда, когда вам кажется, что вы ступаете за ними вслед, разговариваете с ними, смотрите им в глаза и держите их за руку, – вы глубоко ошибаетесь. Они, пребывая здесь, все же существуют в ином измерении.» И это – истина.

Глава третья

Ты словно пьешь из вечного колодца, преобразив в действительность мечту

В этом году весна пришла рано. Еще вчера метель хозяйничала в аллее: упрямо заметала наши следы, наградила фонари снежными колпачками, неугомонно трепала оголенные сучья деревьев, на разлапистых ветвях елей по-хозяйски разложила свои дары. С завидным трудолюбием преобразила наш двор и крыльцо, накинув чистый белый плед, сотканный из снежинок. Досталось и фонарю у крыльца, долго и монотонно раскачивала бедолагу из стороны в сторону. А сегодня с утра яркое, по-весеннему теплое солнце разбудило ручьи. Те, переливаясь кристальной свежестью, дружно, весело, шумно куда-то спеша, затопили тропинки в лесу; разлились по аллее и двору. Сугробы, миг постарев, съезжились и потускнели. Воробьи и голуби, радуясь теплу, принялись бесстрашно плескаться в лужах, прихорашиваться, начищая перышки и клювы.

Я в спортивном зале кручу педали велосипеда. Наблюдаю, как за окном звонкая капель, переливаясь на солнце, отбивает дробь. Да время от времени с глухим шорохом с крыши

сползает очередная порция подтаявшего снега, на мгновение наполняя комнату сумраком.

Мы опять одни в этом огромном доме. Дети, забрав внуков, разъехались еще в начале осени. После их отъезда дом погрузился в дрему. Долгие зимние вечера коротали вчетвером у камина. Слушали музыку, читали книги, наслаждались кулинарными шедеврами Надежды и только по четвергам, как обычно, принимали друзей.

Весна, наполнив комнаты ярким светом и щебетом птиц, прогнала сонливость.

На семейном совете было решено, как только сойдет снег, создать еще один сад. Заранее купили саженцы липы и дуба и, рассадив их в огромные горшки, отнесли на чердак. Прохладный, полупустой, заполненный солнечным светом чердак вполне подходил для новоселов.

— Как ты? — В комнату заглянул супруг. — Все уже в столовой. Ждем тебя.

— Бегу, бегу... — Я, кажется, увлеклась. Спешно сползаю с велосипеда и следую за мужем.

Плотно позавтракав, принимаемся за работу. Мужчины, натянув высокие сапоги и куртки, вооружились лестницей, пилой и лопатой и отправились в сад. А мы с Надеждой, перемыв посуду и приведя кухню в порядок, принялись мыть окна.

Мне достался второй этаж. Стою на подоконнике, смываю разводы на стекле и наблюдаю, как наши рыцари, увя-

зая в сугробах, совершают свой подвиг. Проложив дорогу к дереву с сухой кроной, утаптывают вокруг него снег, устанавливают лестницу и поочередно, либо взгромоздившись верхом на ветку, либо балансируя на лестнице, при этом одной рукой обняв ствол, другой аккуратно орудуют небольшой электропилой: миг – и сухостой с легким шуршанием падает в снег. В открытое окно доносятся их голоса и смех – чуть грубоватый голос Владимира и такой родной голос супруга. Слов разобрать не могу. Закрываю окно, присматриваюсь – нет ли разводов – и перехожу к следующему.

Вечером все, уставшие, но довольные, собрались в гостиной у камина. Решили свет не зажигать – только колеблющееся пламя свечей на рояле да неяркое пламя камина. Огромная круглая луна, устроившись над садом, заполнила небосвод и комнату своим призрачным светом. Оконного стекла не видно, и от этого впечатление, будто комната имеет продолжение и, охватив сад, заканчивается где-то далеко в лесу.

Сидим притихшие, умиротворенные. Наблюдая за луной и садом, каждый думает о своем.

«Не хватает музыки», – мелькает в голове мысль. Мой благоверный, будто подслушав ее, поднимается и не спеша подходит к роялю. Пламя свечей вздрогнуло и заметалось в смятении. Супруг чуть слышно открывает крышку. Его пальцы легко касаются клавиш. Рояль издает тихий и нежный звук. Немного помолчав, будто задумавшись, повторя-

ет его, и полилась в ночь, рождая сказку, грустная светлая мелодия. Мы затаили дыхание. Сижу в своем любимом кресле, слушаю, наблюдая, как ночь густой черной краской заполняет наш сад, что выгодно подчеркивает роскошь звездного неба и огромную в серой кисее царственную луну.

** * **

Восьмое марта. День выдался на славу. По-весеннему высокое голубое небо. Ни облачка.

Открыла глаза. Яркое солнечное утро разогнало остатки сна, но вставать не хочется. Свежесть утренней прохлады правит в комнате свой бал. На противоположной стене, играя тенью берез, забавляется солнышко. Легкий ветерок слегка треплет занавески. Зарывшись поудобнее в подушки, заложила руки за голову и зажмурилась. Как хорошо!!! В приоткрытое окно в комнату вливаются звуки пробуждающейся жизни: разноголосый звонкий птичий хор, чьи-то шаги под окном, где-то звучит ручей. Внутренний голос напоминает – сегодня праздник. От предчувствия необычного хочется смеяться. Краем глаза замечаю, как тихо с легким шорохом приоткрывается дверь, в проеме показалась голова моего суженого.

– Ты уже проснулась? – Дверь не спеша распахивается, пропуская моего милого в пижаме с всклокоченными волосами. Озорная улыбка и смеющиеся глаза. Рука за спиной пря-

чет подарок. — Я поздравляю тебя, мое солнышко! — В руке небольшая папка. — Позволь, в комнате довольно прохладно... — спешно забирается ко мне под одеяло.

Принимаю папку. Развязываю тесемки. Открываю. В папке аккуратно сложены, нотные листы, заполненные его рукой.

— Что это? — Жду подтверждение догадки.

— Эта мелодия родилась в твою честь. Сегодня ты ее услышишь.

— Родной мой! — Обхватываю его голову руками и покрываю поцелуями глаза, щеки, губы... — Я тебя очень люблю!

— И я тебя, — слышу в ответ.

Его руки обнимают меня под одеялом и крепко прижимают к себе. Дышу с трудом, но освободиться не хочется. Лежим, прижавшись друг к другу.

— Посмотри, какой замечательный день за окном... Мы с Владимиром решили после завтрака отпустить тебя и Надежду в город, а самим заняться хозяйством. Сегодня вы полностью посвящаете день себе. Пройдитесь по магазинам, сходите в музей или на выставку, а когда вернетесь, вас будет ждать застолье. — От волнения голос прерывается.

— Спасибо, родной.

Лежим, все так же прижавшись друг к другу.

— Наверно, пора вставать. Надежда с Владимиром, думаю, заждались, — неохотно предполагаю я.

— Давай еще полежим, мне так хорошо, — целует меня в

голову, шею, плечо.

– Давай, – выдыхаю я. Желание теплой волной разливается по телу... После завтрака завожу машину. Надежда в честь праздника в новом демисезонном пальто и шляпке, в сапожках на каблучках, чуть тронуты помадой губы. Устраивается поудобнее на заднем сиденье. Непривычно видеть ее преобразившуюся и помолодевшую. Выезжаем на дорогу в город. До города минут тридцать. Тихо включаю музыку. За окном по обе стороны шоссе мелькают еще обнаженные белоствольные березы, увязшие в посеревшем снегу. Машин не видно. Только мы и шоссе, окаймленное березовым лесом, убегающее куда-то вдаль, за горизонт, в голубой небосвод.

Город по-праздничному оживлен. На каждом углу цветочницы предлагают свой роскошный товар. Витрины ярко, зазывно оформлены. Куда ни глянь – гирлянды из надувных шаров, привычный праздничный символ. Улицы почти очищены от снега. То тут, то там мелькают озабоченные лица мужчин с букетами и свертками в руках. Смеющиеся, чуть кокетливые лица женщин.

Припарковываю свою машину у огромного супермаркета. Решили поразить наших суженых нарядами. Тщательно обходим каждый бутик. Долго крутимся у зеркала, примеряя очередное платье. То слишком строго, то слишком открыто, то коротко, то не по размеру... Начинаю волноваться. Уверенность в том, что к застолью буду неотразима,

улетучилась как дым. Ощущаю внутреннее беспокойство. Неожиданно, когда надежда уже покинула меня, проходя мимо одного из магазинов, замечаю в витрине платье из темно-синего бархата с чуть приметной окантовкой золотом по краю рукавов и вырезу горловины. Впереди закрытый, облегающий фигуру лиф, переходящий в юбку, ниспадающую до пола, узкие длинные рукава и глубокий вырез на спине. Дергаю Надежду за рукав:

– Посмотри!

Моя спутница с ее практичностью не оценила мой выбор. Покачивая в сомнении головой, послушно последовала за мной.

«Только бы было впору, только бы было впору...» – стучит в висках, пока я спешно снимаю свою кофточку, а следом и брюки и надеваю принесенное мне, снятое с манекена платье.

– Оно единственное, – предупреждает меня продавец.

– Хорошо, – думаю я.

Надев, с сожалением замечаю, что платье мешковато в талии. Хочется плакать. Надежда равнодушно смотрит на мое отражение в зеркале.

– Ну как? – В примерочную заглядывает миленькое личико девушки-продавца. – Почему вы расстроены? – замечая мой унылый вид, отдергивает занавес кабинки и, отойдя на расстояние, оценивающе окидывает меня взглядом.

– Мне очень понравилось это платье, но, к сожалению, оно не мое. – Я затягиваю платье на талии, демонстрируя

его несхожесть с моей фигурой.

– Это все, что вам в нем не нравится? – улыбается де-
вушка-продавец. – Не переживайте, у нас при магазине есть
замечательный портной, который вмиг исправит этот де-
фект. Я сейчас... – выдыхает она и куда-то убегает.

Портного долго ждать не пришлось. На пороге кабинки
появился невысокого роста полненький человечек с огромной
лысиной, окаймленной редкими коротко подстриженными
волосами. Лицо его украшали круглые с выпуклыми стек-
лами очки. Мягкая улыбка говорила о спокойном, уравнове-
шенном характере. В руках он держал небольшую оцети-
нившуюся английскими булавками подушечку и сантиметр.
Человечек сколот платье на мне булавками, причмокнув при
этом, пообещал, что через полчаса платье будет готово, и
так же стремительно покинул нас, как и появился.

Полчаса не пропали даром. Пока портной трудился, мы
подыскивали наряд Надежде.

– Смотри, какой замечательный костюм! – учитывая
практичность Надежды, снимаю с вешалки из серого бар-
хата пиджак и юбку. – Пойди примерь.

У Надежды загорелись глаза. Темно-серый бархат в со-
четании с белоснежной в рюшах батистовой кофточкой
смотрелся на ней великолепно.

С победным видом мы выходим из магазина, держа в ру-
ках бесценные для нас коробки. Поиск обуви к нашим наря-
дам не отнял у нас много времени. Чуть подуставшие, но

счастливые, мы наконец покинули супермаркет и направились в салон.

Парикмахерская. Светлый уютный зал. Стены и потолок обшиты белым пластиком. Уют залу придают граненные из стекла кубической формы светильники, разбросанные гроздьями по всему потолку. Такие же бра на стенах. Огромные зеркала в форме чуть сжатого по бокам квадрата дополняют интерьер.

Уютно устроившись в кресле, терпеливо жду, когда мастер закончит колдовать над моей головой, пытаясь закрасить седину. Неспешно пришли воспоминания.

Почему-то вспомнился 2010 год. Весна тогда была сыкотная, холодная. Дождь сутками напролет лил как из ведра. Складывалось впечатление, что и дом, и пристройки, и почти распустившиеся деревья – все промокло насквозь. Лужи образовали небольшие озера. Потоки воды подметали окрестности. Забияка ветер всякий раз пытался вырвать зонтики из наших рук, позволяя дождю гулять по головам. Небо постоянно хмурилось.

Прошел июнь. За ним потянулись такие же хмурые, беспробудные дни июля. Будто погода решила из весны, минуя лето, плавно перейти в осень. И когда надежда дожидаться тепла уже окончательно угасла, сквозь все еще тяжелеющие хмурые тучи неожиданно выглянуло солнышко. Первые робкие его лучи заиграли на влажной листве. Расцвели лужи. Заполнили радостным светом дом и сад. Заметно

потеплело. Приунывшие обитатели нашего дома воскресли. Стосковавшиеся по теплу, мы поспешили сбросить плащи и сапоги. Забыли о зонтах. Солнышко, вырвавшееся из плена туч, усердно принялось наводить порядок в округе. Подсушило стены дома, тропинки в саду, нашу аллею. Заиграло в оконных стеклах. День ото дня становилось теплее. А мы все еще ждали лета.

В конце июля наконец пришла жара. Мои близкие и родные ожили. Смеялись их глаза, радостно светились лица.

Жизнь шла своим чередом. Наступил август. Жара продолжала расти. Столбики термометров достигли отметки 38–40. Горячий густой воздух плотной массой заполнил все вокруг. Ни ветерка... Душные ночи не приносили облегчения. Мы, непривычные к такому солнцепеку, теперь уже молили о дожде. Но природа, будто выплеснув весь запас воды в июньских дождях, была глуха к нашим просьбам. Солнце продолжало нещадно палить. Лица домочадцев обрели тоскливое выражение. Раздражение сквозило в каждом их движении. Когда-то с нетерпением ждущие тепла, мы теперь с тоской всматривались в чистое, прозрачное небо, в надежде разглядеть хоть какое-то напоминание об облаках.

Не принес облегчения и сентябрь. Деревья сбросили свой преждевременно порыжевший наряд, бесстыдно топорща, как укор, почерневшие ветки в небо. Трава на полянах выгорела. Земля оголилась, заполняя бурыми лишайными пят-

нами округу. Окрестность подурнела и стала похожа на тяжелобольного.

И только благодатный октябрь принес с собой дожди и долгожданную прохладу. Все вздохнули с облегчением. И в который раз опять ожило все вокруг. Заиграли улыбки на губах, заискрились глаза. Омытые деревья и земля радостно впитывали льющую с небес влагу. Жизнь вошла в свою колею.

Потратив уйму времени на массаж и парикмахерскую, удовлетворенные результатом, мы с Надеждой заглянули в кафе. Выпили по чашечке кофе и заторопились домой, понимая, что мужчины нас уже заждались.

Въезжая во двор, замечаем огромный плакат над крыльцом «Дорогие, любимые наши женщины, поздравляем вас с Женским днем Восьмое марта!!!» и внизу мельче, не так торжественно: «Где вы? Мы вас потеряли!»

Поднимаемся на крыльцо. Открываем дверь и замираем от восторга – в прихожей нас дожидаются два огромных букета великолепных роз. В гостиной сервирован стол на четверых. На столе белоснежная скатерть, столовые приборы и аккуратные в невысоких вазах прекрасные букеты. А где же наши рыцари? Из кухни доносятся аппетитные запахи запеченного мяса и ванили. Проходим на кухню – там никого. Я поднимаюсь в спальню к мужу – комната пуста. Прохожу к себе, теряясь в догадках. Может, мужчины, заждавшись, решили поискать нас в городе и мы разминулись?

На трюмо замечаю записку «Не волнуйся, скоро буду. Целую». Решаю не терять времени даром. Принимаю душ. Не спеша надеваю свой наряд. Подхожу к огромному зеркалу и придирчиво вглядываюсь в свое отражение...

Намекнули, грустя, зеркала:

Представляйся по имени-отчеству... —

мелькает в голове. Грустно улыбаюсь своему отражению. Поправляю прическу.

Седины ваши зеркало покажет,

Часы – потерю золотых минут... —

продолжаю мысленно, глядя на себя в зеркало, начатую тему о времени. Зарождается ощущение неуверенности. «Ты прекрасна!!!» – убежденно заявляю сама себе. «Ты любима!!!», «Ты достойна любви!!!» – пытаюсь согнать со своего лица и души растерянность.

Из гостиной донеслись голоса. Различаю спокойный, насмешливый голос мужа и в ответ раскатистый смех Владимира. Любопытство подталкивает – «Пора!» – нет, думаю, еще рано, надо немного подождать. Почему-то тяну время – видимо, неуверенность в себе еще рядом. Слышу звон расставляемой посуды, шорох и стук передвигаемых стульев. К голосам мужа и Владимира присоединяются незнакомые мужские голоса. Кто-то включил радиоприемник, и тихая

музыка наполнила дом. Звон рюмок, смех. Неожиданно смех замирает, небольшая пауза и звучит дружный хор поздравлений. Предполагаю – в гостиную вошла Надежда.

– Ну, теперь твой выход, – говорю сама себе и выхожу из комнаты. Подхожу к лестнице. «Боже, какая она стала высокая! Мне бы только не запутаться в платье и не упасть!» – мелькает в голове. Слегка, одной рукой приподнимаю подол спереди и не спеша спускаюсь, держась другой за перила. Ощущаю, как сзади подол юбки сползает следом по ступенькам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.